

Д.А. Мухачев

Алтайский государственный университет

**Семантика Петербурга и код русской классики
в рассказах Владимира Набокова «Обида» и «Лебеда»**

Аннотация: В статье анализируются подтексты русской классики – А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова – в рассказах Владимира Набокова «Обида» и «Лебеда» из сборника «Возвращение Чорба». Автор выясняет роль отсылок к произведениям русской классической литературы в текстах Набокова о детстве в Петербурге и описывает одну из набоковских интерпретаций Петербурга.

The paper analyzes the implications of the Russian classics – A.S. Pushkin and M.Yu. Lermontov – in Vladimir Nabokov's stories «Offence» and «Orach» from the collected stories «Return of Chorba». The author finds out the role of references to works of the Russian classical literature in Nabokov's texts about his childhood in Petersburg and describes one of Nabokov's interpretations of Petersburg.

Ключевые слова: Набоков, Петербург, детство, Пушкин, Лермонтов.

Nabokov, St. Petersburg, childhood, Pushkin, Lermontov.

ББК: 83.3 (2) 7

Контактная информация: Барнаул, ул. Димитрова, 66. АлтГУ, кафедра русской и зарубежной литературы. Тел. (3852) 240660. E-mail: fallen85@yandex.ru.

В текстах Владимира Набокова Петербург очень часто упоминается рядом с тем или иным явлением культуры: как правило, произведением русской литературы или знаковой для нее фамилией. В стихотворениях Набокова о Петербурге постоянно возникает Пушкин, узнаваемые пушкинские образы (Медный Всадник) или фрагменты из его биографии (неудавшееся сватовство к Олениной). В романе «Машенька» главный герой встречается с в Петербурге с возлюбленной под аркой, где «в опере Чайковского гибнет Лиза» (имеется в виду «Пиковая дама», крайне Набоковым нелюбимая). Пушкина цитирует герой рассказа «Письмо в Россию», пишущий письмо своей возлюбленной, с которой он встречался «морозным петербургским утром в пыльном, маленьком, похожем на табакерку музее Суворова»; в комнате отца героя рассказа «Круг», находящейся в усадьбе Годуновых-Чердынцевых, висит портрет Льва Толстого, составленный из набранного микроскопическим шрифтом текста «Холстомера» и так далее. Петербург в сознании Набокова очень тесно связан с русской культурой и литературой. Это легко объясняется биографически – Набоков впервые познакомился с русской литературой именно в петербургскую пору своей жизни. И этот город литературы – Петербург часто выступает в произведениях Набокова как место своеобразной инициации, погружения в литературную мифологию.

В автобиографической книге «Другие берега» присутствуют почти все воспоминания Набокова о своем петербургском детстве, появляющиеся в более-менее переработанном виде в его романах и рассказах. Есть там и история, появлявшаяся в романе «Дар» – мама маленького Володи Набокова уезжает за подарком заболевшему сыну. Набоков лежит в кровати и «видит», как ее сани едут по

петербургским улицам, и в описании поездки появляется подробная петербургская топонимика. Как мы помним, Набокову купили гигантский карандаш Фабера, сделанный как настоящий, только в десятки раз больше. Разумеется, на самом деле, рассказывая эту историю, Набоков намекает на раннюю инициацию в «русские писатели», и даже огромные размеры карандаша будто указывают на то, что его обладателю суждено стать по-настоящему большим писателем.

Подтекст «литературной инициации», выраженный посредством лермонтовского и пушкинского кодов, возникает в двух связанных между собой рассказах Набокова из сборника «Соглядатай» – «Обида» и «Лебеда». Связь прослеживается уже на уровне фонетики названий («бида» – «беда»), кроме того, рассказы объединены одним героем – мальчиком Путей.

Тема Петербурга в «Обиде» тоже связана с темой русской культуры. История с волшебным фонарем упоминается в «Других берегах», где сеанс волшебного фонаря устраивает губернатор, которому Набоков дает пушкинскую фамилию Ленский. Есть этот сюжет и в «Обиде»: *«Последний раз Пути был у Козловых в Петербурге, на Пасхе, и тогда показывали туманные картины: Яков Семенович читал вслух “Мцыри”, а другой студент орудовал волшебным фонарем»* [Набоков, 1990, т. 2, с. 348].

В сюжете рассказа – обычном детском конфликте – просматривается лермонтовский подтекст, традиционный романтический сюжет об отвергнутой, непонятой личности. Девочки из детской компании решают не общаться с Путей, объясняя это тем, что он «ломака». Дальше Пути в процессе игры отбивается от компании и оказывается в одиночестве. При взгляде на сюжет сквозь лермонтовскую призму история о детской обиде превращается в историю о первом контакте с романтической проблематикой и мифологией.

В своем эссе «О Сирине», анализируя творчество Набокова, В.Ф. Ходасевич определил основную тему его творчества как жизнь художника и жизнь приема в сознании художника [Ходасевич, 2000]. Мы бы предложили немного расширить это определение, сформулировав данную тему, как «жизнь исключительной или считающей себя таковой личности». Начиная с романа «Защита Лужина», героями Набокова становятся личности, претендующие на избранность, оправданно или нет. Гениальный шахматист Лужин, карикатурист и график Роберт Горн, Герман Карлович, Цинциннат Ц., Годунов-Чердынцев, Себастьян Найт, Гумберт Гумберт, Джон Шейд, Чарльз Кинбот – все эти люди или неоправданно считают себя юберменшами, которым позволено больше, чем другим людям, или действительно являются ярко одаренными и высокоразвитыми личностями, на голову выше окружающих. Нетрудно заметить, что это – вариация (правда, каждый раз по-набоковски изощренная) на традиционную романтическую тему «поэт и толпа», разнообразные варианты конфликта личности с окружающим миром, оправданные духовным богатством личности или же нет. Рассказ «Обида» повествует о первом знакомстве набоковского протагониста с романтической мифологией и погружении в нее, которое на фоне петербургской усадьбы устраивает сама жизнь. Мальчик Пути – это результат воспоминаний Набокова о Петербурге и собирательный образ любимого набоковского героя в детстве. Как указывал сам Набоков, он наделил своими чертами трех героев рассказа: Пути, Васю и Володю.

К тематике творчества Лермонтова отсылает само название рассказа «Обида». Главный герой упоминаемой в рассказе поэмы «Мцыри» попадает в монастырь ребенком, примерно в возрасте Пути. Как и Пути, он откалывается от коллектива, в котором находится (монахов в монастыре), и скитается по горам. Образ ребенка, рожденного дитяти у Лермонтова появляется часто, тема детства его вообще очень интересовала и была важна («Ребенку», «Ребенка милого рожденье», «Казачья колыбельная песня»). В Пути много от лермонтовских героев, его постоянно преследуют несправедливости и обиды: он попадает копьем в середину ми-

шени, но этого никто не замечает, ему достается роль ведущего в палочку-стукалочку, но дети хором просят, чтобы водил Яков Семенович, он с самого начала отвергнут компанией, нежелателен на празднике. Все это происходит в деревне под Петербургом. Смысл рассказа можно выразить фразой «я – как Лермонтов», «я страдал как он».

Отыскивание связей и проведение параллелей с жизнью и биографией Пушкина – излюбленное занятие Набокова. Вот, например, роман «Другие берега»: *«По отцовской линии мы состоим в разнообразном родстве или свойстве с Аксаковыми, Шишковыми, Пуцциными, Данзасами. Думаю, что было уже почти темно, когда по скрипучему снегу раненого внесли в геккернскую карету»* [Набоков, 1990, т. 4, с. 158]. *«Официально в экономках числилась Елена Борисовна, бывшая няня матери, древняя, очень низенького роста старушка, похожая на унылую черепаху, большеногая, малоголовая, с совершенно потухшим, мутно-карым взглядом и холодной, как забытое в кладовой яблочко, кожей. Про Бову она мне что-то не рассказывала, но и не пила, как пивала Арина Родионовна (кстати, взятая к Олиньке Пушкиной с Суйды, неподалеку от нас)»* [Там же, с. 153].

В работе «Истина Пушкина в творческом сознании В. Набокова» А. Бессонова пишет, что Пушкин и отец главного героя выступают как две ипостаси единого – гениального – существа, как нравственный образ отца поэта, именно отцовское начало ощущается Набоковым в Пушкине и является для писателя жизнетворческим фактором [Бессонова, 2003]. В.В. Шадурский в работе «Интертекст русской классики в прозе Владимира Набокова» также указывает на то, что Набоков считал Пушкина одним из своих литературных отцов [Шадурский, 2004]. В романе «Дар», вспоминая свое детство, Годунов-Чердынцев, во многом автопсихологический герой «Дара», вспоминая свое детство, говорит: «С голосом Пушкина сливался голос отца» [Набоков, 1990, т. 3, с. 88]. Пушкин для Набокова – одна из самых значимых фигур классической русской литературы, отношение к нему у Набокова не менялось никогда, его произведения он всегда оценивал чрезвычайно высоко. Набоков – автор объемных комментариев к «Евгению Онегину», а также статьи «Пушкин или Правда и правдоподобие», в которой видно, что юношески восторженное отношение к Пушкину не оставляло Набокова в течение всей жизни:

Пушкинский код очень важен в другом рассказе про Пути под названием «Лебеда». *«Как только погас свет, он уткнулся лицом в подушку. Онегин скидывал плащ, Ленский, как черный мешок, падал на подмостки»* [Набоков, 1990, т. 2, с. 359]. В рассказе «Лебеда», тоже выстроенном на событиях набоковской биографии, рассказывается о несостоявшейся дуэли отца Пути. В школе, описанной в рассказе, узнается Тенишевское училище, в котором учился Набоков. Детство в училище, отношения с однокашниками – все это не может не напомнить лицейское детство Пушкина. О том, что у отца дуэль, Пути узнает на уроке русской литературы, где проходят Тургенева, и ошибается, записывая на доске строчку Аполлона Майкова – русской литературой рассказ перенасыщен. Перед сном Пути вспоминает дуэль Онегина и Ленского. Упоминание «Евгения Онегина» присутствует и в другом рассказе Набокова про дуэль под названием «Подлец» – само явление дуэли воспринимается Набоковым сквозь призму русской литературы и биографий самых ярких ее фигур. Но в данном случае нам важен посыл рассказа: «я – сын того, кто дрался на дуэли», «мой отец дуэлянт, как Пушкин и Лермонтов».

Наличие кода русской классики в текстах Набокова, действие которых разворачивается в Петербурге и его окрестностях, указывает на то, насколько сильно в сознании Набокова петербургское детство переплетено с базисными сюжетами русской классики. Детство в Петербурге и русская классическая литература – два краеугольных камня фундамента набоковского мира.

Литература

Бессонова А. Истина Пушкина в творческом сознании В. Набокова. Коломна, 2003.

Набоков В.В. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1990.

Ходасевич В.Ф. О Сирине. Путем зерна. М., 2000.

Шадурский В.В. Интертекст русской классики в прозе Владимира Набокова. Великий Новгород, 2004.